

М. А. Волхонский
«РЕВИЗИЯ» А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА
КАВКАЗСКОГО КРАЯ В 1882 г.

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-79-86

УДК 94(470)“1882”

ББК 63.3(2)552

В статье, основанной на материалах Российского государственного исторического архива, а также периодической печати, рассматриваются результаты «ревизии» Кавказского края. Она проводилась с февраля по октябрь 1882 г. новым главным начальником на Кавказе кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым, который хотел лично разобраться в политической и социально-экономической ситуации в крае. «Ревизия» была направлена не на выявление дальнейших путей модернизации края, а на выяснение факторов, подрывавших на Кавказе социально-политическую стабильность. Итоги «ревизии» были изложены кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым в специальной записке, переданной в Петербург в декабре 1882 г. на рассмотрение императору Александру III. В ней автор наметил два основных направления нового политического курса правительства на Кавказе: первое — предотвращение волнений той части местного нерусского населения края, которая отличалась нелояльным отношением к власти; второе — планомерное улучшение социально-экономических условий жизни как русского, так и нерусского населения края.

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказский край, главный начальник гражданской части на Кавказе, А. М. Дондуков-Корсаков, Александр III, грузинское дворянство, армянская интеллигенция, мусульманское население Закавказья, терское и кубанское казачество*

Осенью 1881 г. император Александр III инициировал административную реформу на Кавказе, которая должна была не только преобразить систему управления края, но также придать новый импульс процессу его сближения с центральными губерниями Российской империи. 20 ноября министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев от имени императора передал председателю Комитета министров М. Х. Рейтерну распоряжение упразднить Кавказский комитет и должность кавказского наместника, а вместо этого учредить должность «главноначальствующего гражданской частью на Кавказе».¹

Стать новым главным начальником Кавказского края было предложено одесскому генерал-губернатору князю А. М. Дондукову-Корсакову. Он согласился принять должность, но попросил, во-первых, дать ему полгода для ознакомления с краем, с тем чтобы самому составить проект преобразований на Кавказе, а во-вторых, оставить за ним на этот период часть особых полномочий бывшего наместника.² 1 января 1882 г. Александр III подписал

указ о назначении князя «главноначальствующим гражданской частью на Кавказе». Выдвинутые князем условия были рассмотрены 19–26 января 1882 г. в Комитете министров, члены которого предоставили князю восемь месяцев для «объезда» края, после чего он должен был представить соображения о новом политическом курсе на Кавказе.³

А. М. Дондуков изначально придавал большое значение своей поездке. 13 января 1882 г., еще до заседаний в Комитете министров, князь сделал запросы военному министру П. С. Ванновскому и министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву о сообщении ему шифрованных ключей для секретной переписки.⁴ Он готовился к своего рода «ревизии» Кавказа. Ему нужно было лично разобраться в «кавказских делах», прежде чем представить проект преобразований. Еще на аудиенции у императора 25 ноября 1881 г. князь прямо заявил: «Предполагая объездить в течение весны и лета, что будет только возможно, из различных местностей Кавказа, с целью изучения средств применения в крае пред указанной мне программы, я затем буду испрашивать разрешения к концу года приехать в Петербург и представить государю мое заключение о том, что возможно, необходимо и полезно применить к краю немедленно, указав при том способы и средства

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 293. Л. 1–2.

² Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 2–3.

³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4228. Л. 405об., 406.

⁴ Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 394. Л. 3–4.

к исполнению; затем высказать свой взгляд о тех преобразованиях, введение которых считал бы еще рановременным в крае; и наконец, о тех мероприятиях, от которых, по убеждению моему, считал бы полезным совсем отказаться».⁵

Рассмотрим «ревизию» А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г. как ключевой момент в разработке политического курса правительства на Кавказе. Каким увидел положение дел на Кавказе новый главный начальник края? Какую политику, какие преобразования, с его точки зрения, необходимо было проводить здесь? Источниками для этого небольшого исследования являются: «всепопданнейшая» записка, представленная А. М. Дондуковым в конце 1882 г. императору Александру III, делопроизводственные документы его походной канцелярии, а также материалы кавказских периодических изданий.⁶

Главной целью «ревизии» Кавказа являлась оценка «политического состояния края». На Кавказ князь приехал, уже имея собственное представление о том, какой курс должен проводиться в крае. Интересно, что источником его знаний являлась записка, написанная осенью 1881 г. генералом Р. А. Фадеевым и переданная Александру III через графа Н. П. Игнатьева. Копию этой записки, позднее опубликованной под заглавием «Записка об управлении азиатскими окраинами»,⁷ получил и князь.⁸

Р. А. Фадеев жестко критиковал введение в крае бывшим наместником великим князем Михаилом Николаевичем «европейских» административных и судебных институтов, что приводило к росту расходов и к волнениям среди туземного населения.⁹ Он предлагал отказаться от их распространения на Кавказе и вернуться к использованию в системе управления местных обычаев и институтов. Император, ознакомившись в декабре 1881 г. с содержанием записки, наложил резолюцию: «Все это вполне сходится с моими личными убеждениями. Дай Бог, чтобы мы достигли наконец желанных результатов».¹⁰

Под впечатлением от записки Р. А. Фадеева, а также от проведенной «ревизии» края

А. М. Дондуков сделал следующий вывод относительно целей политики правительства на Кавказе, а также средств их достижения. «Конечная цель Правительства должна, очевидно, заключаться в постепенном объединении всех разнородных элементов Кавказа с коренным организмом Государства, — писал князь в записке 1882 г. — Но идти к этой цели нельзя иначе, как с крайней осторожностью, потому что всякая веками установившаяся, племенная особенность поддается нивелировке лишь путем последовательных... незаметных усилий и, напротив, каждая в этом отношении резкая и несвоевременная мера может только вызвать реакцию и тем самым отдалить достижение цели».¹¹

А. М. Дондуков указывал на ошибочность политики прежней кавказской администрации, которая в 1860–1870-х гг. проводила административную, социальную и экономическую модернизацию края, в итоге пожертвовала его социально-политической стабильностью. Поэтому «ревизия» была направлена не на выявление дальнейших путей «широкого гражданского преуспевания края и прочного слияния его с империей»,¹² т. е. модернизации края, а на выяснение факторов, подрывавших на Кавказе социально-политическую стабильность, основу которой составляло лояльное отношение «главнейших народностей Кавказа к Русскому правительству».

Анализируя в записке «политическое состояние» Кавказа, князь на основании критерия политической благонадежности выделил среди населения края три категории — благонадежное и спокойное; неблагонадежное, но спокойное; неблагонадежное и беспокойное. Пристальное внимание князь уделил также тем политическим, социальным и экономическим факторам, которые обусловили неблагонадежность и беспокойное состояние отдельных групп населения края.

А. М. Дондуков, как и его предшественники, считал, что «наиболее надежным элементом» в Закавказье является «грузино-имеретинское племя, отличающееся, бесспорно, благонадежностью и беззаветной преданностью России и своему Государю».¹³ Поэтому у главного начальника вызвал сильное беспокойство тот факт, что грузинское население недовольно

⁵ Там же. Д. 392. Л. 20б., 3.

⁶ Там же. Д. 296. Л. 1–410б.; Д. 294; Д. 300; Д. 308.

⁷ Фадеев Р. А. Собрание сочинений Р. А. Фадеева. СПб., 1896. Т. 1, ч. 2: Записки о кавказских делах. С. 133–141.

⁸ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 322.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 147. Л. 164.

¹¹ Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 1, 10б.

¹² Формулировка из выступления генерал-лейтенанта Д. С. Старосельского на заседании Кавказского комитета 13 марта 1879 г.

¹³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 2, 20б.

своим социально-экономическим положением.¹⁴ Князь писал: «Почти всеобщее разорение дворянства Грузии... привели все высшее сословие этой страны к безвыходному положению». По его мнению, правительство должно было срочно решить, следует ли поддержать «доблестное и вполне преданное Престолу и Государству дворянство Грузии» или же оставить его на произвол судьбы. Но в последнем случае, подчеркивал он, русское правительство лишится поддержки одного из наиболее лояльных элементов среди населения Закавказья.¹⁵ В марте 1882 г. в Тифлисе князь сразу создал «частную комиссию» под председательством генерал-адъютанта князя Орбелиани, которая собрала подробные сведения о всех заложенных имениях. Оказалось, что грузинские дворяне задолжали огромную сумму в один миллион рублей. А. М. Дондуков просил императора в его «безграничной милости» простить грузинскому дворянству его долги.¹⁶

Грузинское крестьянство также вызывало беспокойство. «Будучи само по себе трудолюбивым, мирным и вполне преданным правительству, оно испытывает тот же экономический кризис, — писал А. М. Дондуков, — порождаемый неопределенностью поземельных прав и неравномерностью обложения».¹⁷ Это создавало почву для многочисленных судебных тяжб, насильственных захватов земли и связанных с этим различных преступлений. Князь также подчеркивал то неблагоприятное влияние, которое оказывала на настроение грузинских крестьян деятельность русских административных и судебных институтов. Он писал: «Население, не понимающее значение всех требований бюрократического формализма в приложении к самым простым сторонам народной жизни, видит в действиях низших агентов фиска и администрации лишь мелкую придиричивость».¹⁸

Обеспокоенность А. М. Дондукова разорением грузинского дворянства была во многом обусловлена опасениями относительно благонадежности армянского населения Закавказья. «Вся торговля, промышленность, большая часть имущества в городах и часть земельной собственности сосредоточены теперь в руках армян, — писал князь, — к которым, в непро-

должительном времени, должны будут перейти и грузинские дворянские имения».¹⁹ А между тем, подчеркивал он, армянская элита не может предоставить гарантий своей благонадежности, поскольку «в среде армянской интеллигенции замечаются в последнее время, правда еще смутные, сепаратические стремления к какой-то автономии и мечтания о восстановлении пределов древнего Хаэстана».²⁰ В итоге армяне Закавказья были отнесены князем к категории спокойного, но неблагонадежного населения.

Верно определив, что армянские школы являются одним из эффективных механизмов национальной мобилизации армянского населения, князь предложил срочно «пересмотреть все относящиеся до них постановления с целью подчинения армянских училищ более серьезному надзору кавказского учебного начальства».²¹ Желательно было оградить армянскую школу от влияния армяно-григорианского духовенства во главе с католикосом.²²

От внимания князя не ускользнула ключевая роль, которую Эчмиадзинский патриарх-католикос стал играть в 1870-х гг. в национальной мобилизации армян России и Турции.²³ В записке он прямо поставил вопрос о необходимости устранить угрозу армянского ирредентизма. «Но теперь, при изменившемся политическом положении Турции, возрастающей силе армян и при начинающих развиваться у них, под влиянием того же патриархата, стремлений к общей политической автономии и объединению всего армянского народа, — писал он, — возникает вопрос: не выгодно ли нам будет воспользоваться обнаружившимся у малоазийских армян желанием восстановить главенство армянского патриархата в Сисе, чтобы посеять раскол между Эчмиадзинским и Сисским престолами и тем установить духовное и политическое разобщение русской и турецкой частей армянского народа?»²⁴

Ввиду неблагонадежности армянского населения А. М. Дондуков поставил под сомнение целесообразность политики переселения армян в Карскую область. «По заключению

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 3, 3об.

¹⁷ Там же. Л. 3об.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 4об.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же. Л. 4об.

²³ См.: Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 189–195.

²⁴ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

Берлинского трактата, — отмечал князь, — началось сильное движение закавказских армян к переселению во вновь присоединенную провинцию, с целью образовать сплошную армянскую территорию от Эривани до Эрзерума». Поэтому он поспешил «расстроить осуществление этого политического стремления безусловным воспрещением дальнейшего наплыва армян» в Карскую область.²⁵

Среди мусульманского населения Закавказья князь выделил два «различествующих между собой по происхождению и отчасти по верованию элемента: татарское и персидское, подразделяющихся, в свою очередь, на несколько мелких народностей». Главный начальник относил их к категории неблагонадежного, но, в целом, спокойного населения.²⁶ Исключение составляло тюркское (татарское)²⁷ население Закавказья. Князь указал на частые случаи «усиленного хищничества и разбоя, к которым татарское население склонно и в мирное время».²⁸ В Карской области беспокойным поведением отличались «курды, карапахи, туркмены и еще прежде выселившиеся сюда, в незначительном числе, горцы Северного Кавказа и Дагестана», которые «дозволяют себе иногда некоторые отклонения от общественного порядка».²⁹ Беспокойство вызывали также аджарцы Батумской области.³⁰ Впрочем относительно вышеназванных групп князь не имел серьезных опасений. По его мнению, «для ограждения порядка среди этого населения» требовалась только «сильная и твердая власть, проявляемая энергическими, но разумными действиями».³¹

Этот стиль управления мусульманским населением главный начальник стал демонстрировать во время «объезда» закавказских губерний. Узнав, что в Кубинском уезде Бакинской губернии из-за бездействия уездных властей среди «татарского населения» развелись разбойничьи шайки, А. М. Дондуков в июле 1882 г. приказал бакинскому губернатору барону Гюбшу фон Гросталь взять ситуацию под личный контроль. В отношении от 31 июля 1882 г. губернатор доносил: «Четыре шайки

разбойников продолжают наводить страх на мирных жителей уезда, совершая ежедневно убийства и грабежи, противопоставить которым необходимо самые строгие меры. Сельские старшины и население дают пристанище разбойникам, одни — из страха, другие — из корыстных видов... Все мои старания в настоящее время направлены на приведение уезда в должный порядок».³²

Для очистки уезда А. М. Дондуков направил в распоряжение губернатора две сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка и Кавказского полка Кубанского казачьего войска. Чтобы «отучить жителей от содействия грабительским шайкам и пристанодержательства», он разрешил возложить содержание земской стражи на селения, которые были замечены в укрывательстве разбойников. В эти селения дозволялось ставить «военные экзекуции», т. е. вводить на временное жительство части посланных для поимки разбойников войск.³³

Политику «твердой власти» А. М. Дондуков считал необходимым подкреплять мерами по улучшению социально-экономического положения закавказских мусульман. «При объезде края, — писал князь, — я мог убедиться... в существующем среди мусульманского населения неудовольствии на ненормальность поземельных отношений и на результаты применения к краю наших новых судебных порядков».³⁴

Источником «ненормальности поземельных отношений», по мнению князя, являлась допущенная в 1846 г. наместником М. С. Воронцовым ошибка, «когда за беками и агаларами признаны были права собственности на земли, которыми они никогда не владели, а лишь управляли от имени владетельных ханов с правом пользования известной частью взимавшихся с сельского населения доходов». В итоге администрация, учредив высший класс мусульманских крупных землевладельцев, создала почву для земельных споров беков и агаларов с поселянами, которые в результате реформы лишились части своих земель.³⁵

Дополнительную остроту земельным конфликтам придавало отсутствие в Бакинской и Елисаветпольской губерниях межевания земель. «Новосозданное мусульманское дворянство, — писал А. М. Дондуков, — не довольствуется так дешево доставшимися ему именьями

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 50б.

²⁷ В статье используются те же этнонимы, которые были приняты в XIX в. Под закавказскими татарами тогда понимались современные азербайджанцы.

²⁸ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 50б.

²⁹ Там же. Л. 12.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ Там же. Л. 50б.

³² Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 330. Л. 2–30б.

³³ Там же. Л. 5–6.

³⁴ Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 50б.

и, пользуясь отсутствием межевания, продолжает и поныне захватывать принадлежащие казне земли... Та же неопределенность собственности вызывала частые столкновения между беками и агаларами, с одной [стороны], и крестьянами, с другой стороны».³⁶ Выход из этого положения князь видел в «неотлагательном и усиленном межевании, которое одно, в связи с окончательным упорядочением отношений крестьян к владельцам, в состоянии успокоить население».³⁷

Новые судебные учреждения, по мнению А. М. Дондукова, находились в противоречии «всему складу жизни и религиозным воззрениям массы народа». Если в грузинских губерниях крестьяне жаловались князю на то, что суды для них непонятны и требуют больших расходов, то в мусульманских губерниях ситуация была еще хуже. «Частая безнаказанность преступлений, за недостаточностью требуемых Судебными уставами формальных улик, — писал князь, — широко практикуемая отдача на поруки заведомо признанных населением преступников, развившееся вследствие того в ремесло лжесвидетельство, — все это влияет растлевающим образом на простой народ, теряющий веру как в суд, так и в значение правительственной власти в крае».³⁸

Идеальной для А. М. Дондукова стала бы ситуация, когда введенная в Закавказском округе, а также в Карской и Батумской областях система военно-народного управления была бы распространена на все остальное Закавказье. Такая система и народный суд оказывают «полезное влияние на туземное население», — подчеркивал князь.³⁹ Но для него не была ясна позиция, которую занимали в Петербурге в отношении сохранения военно-народной системы.⁴⁰ Поэтому он писал, что не считает возможным отменить новые судебные учреждения. Князь предлагал серьезно обсудить вопрос реформирования новых («европейских») судов в Закавказье в сторону их упрощения, приспособления к нравам и обычаям туземцев.⁴¹

Считая приоритетной задачей политики на Кавказе поддержание политической стабильности, порядка и безопасности, А. М. Дондуков не мог не обратить внимания на «шахсеван-

ский вопрос», тем более, что от его решения зависело благополучие «благонадежного» русского населения в юго-восточной части Закавказья (Бакинская и Елисаветпольская губернии), представленного здесь сектантами. В 1831 г., согласно российско-иранской конвенции, тюркскому племени «шахсеван» была разрешена ежегодная перекочевка в зимнее время с иранской территории на российскую, в Муганскую степь.⁴² С 1870-х гг. ввиду нехватки земли в уже освоенных уездах двух губерний началось постепенное заселение Муганской степи, куда зимой прикочевывали «шахсеване». В итоге стали происходить столкновения между кочевниками и русскими переселенцами-молоканами.⁴³

А. М. Дондуков настаивал на скорейшем решении «шахсеванского вопроса» путем «безусловного воспрещения персидским кочевникам отныне и навсегда переходить на русскую территорию». С этим предложением князь направил письмо министру иностранных дел.⁴⁴ До решения этого вопроса А. М. Дондуков предлагал принять ряд мер, которые могли бы оградить население Бакинской и Елисаветпольской губерний от нападений и грабежей «шахсеван». В частности, князь предложил поставить кочевников во время их пребывания на российской территории исключительно под контроль русских властей.⁴⁵

Характерно, что вопрос безопасности уездов, прилегающих к Муганской степи, князь тесно увязывал с дальнейшей ее колонизацией русскими переселенцами. Переселению русских в Закавказье князь придавал особое значение. Так, А. М. Дондуков настаивал, чтобы Карская область целенаправленно заселялась русскими переселенцами. «Мера эта... — писал он, — имеет, в глазах моих, весьма важное политическое и экономическое значение, не говоря о военном. Переселившиеся уже в Карскую область русские в числе до 7 тысяч душ состоят из молокан и духоборов закавказских губерний, сектанты эти, отличаясь высокою нравственностью, трудолюбием, способностью к скорому усвоению туземных языков, представляют незаменимый элемент для колонизации».⁴⁶

⁴² См.: Марков Г. Шахсеваны на Мугане // Зап. Кавказ. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. Тифлис, 1890. Кн. 14, вып. 1. С. 1–62.

⁴³ См.: Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Тифлис, 1889. Вып. 1. С. 57, 58.

⁴⁴ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 307. Л. 1–20б.

⁴⁵ Там же. Д. 296. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 50б., 6.

³⁷ Там же. Л. 60б.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Д. 341. Л. 17.

⁴¹ Там же. Д. 296. Л. 13.

Вопросы развития дорожной инфраструктуры в Закавказье не были затронуты во «всеподданнейшей» записке. Тем не менее А. М. Дондуков в ходе «ревизии» уделил им большое внимание. Он неоднократно публично выражал удовлетворение состоянием дорог, а также темпами строительства новых.⁴⁷ Но князь не собирался останавливаться на достигнутом. Так, планируя в июне 1882 г. посетить Карскую и Батумскую области, А. М. Дондуков заранее публично заявил, что его будут особенно занимать «предположения о новых дорогах: от Тифлиса через Мокрые горы до Александрополя, также дорога от Карса до Кагызмана и, особенно, прямое сообщение от Батума до Ахалциха», поскольку «все эти пути кроме важного экономического значения имеют еще больше стратегическое значение».⁴⁸

На Северном Кавказе главный начальник края так же, как в Закавказье, в первую очередь обратил внимание на состояние благонадежности «туземного населения». Горское население Дагестанской области князь нашел «совершенно покойным». Но, по его мнению, «наружное спокойствие и покорность Дагестана не должна, однако, вселять слишком большую уверенность в прочности такого порядка вещей».⁴⁹ Единственное, что могло бы отвлечь «простодушное, но все еще воинственное по духу население» Дагестана от возможных волнений, по его мнению, так это «образование или же благоприятные условия экономического труда».⁵⁰

Терская область показалась А. М. Дондукову самой проблемной территорией Северного Кавказа. «При объезде нынешнею осенью этой части края я вынес самые тяжелые впечатления о положении русских в ней поселений, — писал князь. — Ежедневное воровство скота в казачьих станицах и слободках, грабежи и хищничество чеченцев положительно не дает покоя русскому населению и препятствует экономическому его развитию».⁵¹ Князю было подано от русского населения 36 жалоб «на воровство туземцев».⁵²

Главный начальник считал, что в Терской области сложилась парадоксальная ситуация, когда горцы — чеченцы и ингуши — под властью империи в последние два десятилетия достигли

существенного социально-экономического процветания, но при этом по-прежнему оставались «головной болью» кавказской администрации в плане обеспечения здесь безопасности.⁵³ При таких успехах, полагал он, должны были исчезнуть «всякие разумные поводы к иным стремлениям, кроме забот об охране своих материальных интересов», а «чеченское население должно считаться вполне мирным и надежным элементом». Но оказалось, что чеченцы «покорены, но не умиротворены».⁵⁴

А. М. Дондуков считал, что прежняя кавказская администрация слишком мягко отнеслась к чеченцам, не воспользовавшись представившимся после подавления восстания 1877–1878 гг. удобным поводом для «общего обезоруживания горцев» и для отмены всех «щедрых льгот и привилегий», дарованных им когда-то наместником князем А. И. Барятинским. «Такой образ действий правительства по отношению к мятежному населению... — подчеркивал А. М. Дондуков, — совершенно озадачил горцев, и, не находя, по своим понятиям, причины к подобному снисхождению, они не могли иначе себе объяснить его, как уступчивостью и страхом перед возможностью продления борьбы».⁵⁵ Конечно, князь сильно упрощал причины сложившейся конфликтной модели отношений чеченского и казачьего, русского населения области.

В итоге главный начальник поспешил принять срочные меры. В письме к начальнику Терской области генералу А. П. Свистуну он сообщал: «Со своей стороны, я твердо решил положить конец своеволию горцев и не останюсь ни перед какими, даже крайними, мерами для утверждения спокойствия в области и восстановления в глазах покоренных нами племен значения Русского правительства».⁵⁶ Не рассчитывая на эффективность судебных институтов, он решил максимально использовать чрезвычайные административные репрессивные меры, сводившиеся к созданию системы коллективной ответственности горцев за случаи воровства в казачьих станицах.⁵⁷

Остальное «туземное население» Терской области князь по результатам своей «ревизии» отнес к категории благонадежных и спокойных. «Что касается других туземных племен

⁴⁷ См.: Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 65.

⁴⁸ Там же. С. 71.

⁴⁹ РГИА. Ф. 932 Оп. 1. Д. 296. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Л. 8об.

⁵¹ Там же. Л. 9об.

⁵² Там же. Д. 308. Л. 7об.

⁵³ Там же. Д. 296. Л. 9.

⁵⁴ Там же. Л. 9об.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Д. 303. Л. 20, 20об.

⁵⁷ Там же. Д. 340. Л. 1–2об.

области, — писал он, — как, например, осетины, кумыки и отчасти кабардинцы, то это элемент, который можно считать в действительности, а не по одним официальным только данным, вполне умиротворенным и принесшим в жертву материальных интересов свои прежние воинственные наклонности».⁵⁸

«Умиротворенными» нашел князь и горцев Кубанской области. «Туземное население Кубанской области, остатки некогда могущественного черкесского народа, по своей малочисленности (около 80 000 душ) и при полном обезоруживании его, — отмечал главный начальник, — не представляет в политическом смысле никаких опасений. Расселенные отдельными группами на левом берегу р. Кубани и по долине р. Теберды, черкесы всецело предали мирным занятиям, посвящая свои труды, кроме земледелия, садоводству и скотоводству».⁵⁹

Что касается терского и кубанского казачества, то оно пользовалось у А. М. Дондукова особой любовью, поскольку рассматривалось им не только как коренное русское население Кавказа, но и как старое военное сословие, веками служившее верой и правдой престолу русских царей. В глазах князя оно являлось такой же мощной опорой русской власти на Северном Кавказе, как и грузинское дворянство в Закавказье. Размывание этого сословия рассматривалось им в качестве угрозы русской власти в крае. Если переселение русских, пусть даже сектантов, в Закавказье, где требовалось наращивать «русский элемент», князь оценивал как благо, то рост миграции русских крестьян («иногородних») в Кубанскую область воспринимался им однозначно как зло. По его мнению, «иногородние» действовали на казаков «растлевающим образом».⁶⁰

Согласно обрисованной во «всеподданнейшей» записке политической системе, которую следовало установить в Кавказском крае, на втором месте после поддержания с помощью «твердой власти» среди «туземного населения» спокойствия следовали меры по повышению экономического благосостояния как русского, так и коренного населения края.

На Северном Кавказе, как и в Закавказье, главный начальник придавал особое значение тотальному межеванию земель как главному условию урегулирования поземельных отношений и конфликтов. Выступая в феврале 1882 г. перед межевыми чинами в Екатеринодаре, он «выразил твердое намерение способствовать всеми зависящими от него мерами скорейшему размежеванию» земель в Закубанском крае.⁶¹ С этой целью он запросил в Петербурге увеличение штатов землемеров и общего финансирования на межевые работы на Кавказе.⁶²

Очень хорошее впечатление на А. М. Дондукова произвели результаты многолетних усилий местной администрации по строительству дорог на Северном Кавказе, особенно в Дагестанской области.⁶³ Только в Черноморском округе система дорог оказалась плохо развитой. Объехав в феврале 1882 г. округ, А. М. Дондуков сформулировал план развития сети сухопутных дорог и прокладки железной дороги до Новороссийска, где планировалось построить морской порт.⁶⁴

Итак, в ходе «ревизии» князь А. М. Дондуков-Корсаков составил собственное представление о положении дел на Кавказе, а также наметил на ближайшее время основные направления политического курса правительства в регионе. Главной целью правительственной политики в крае, с точки зрения князя, должно было стать поддержание социально-политической стабильности. Что касается «объединения всех разнородных элементов Кавказа с коренным организмом Государства», то эта цель для князя являлась всего лишь отдаленным ориентиром. Достичь стабильности в крае, по мнению князя, возможно было только с помощью «сильной и твердой власти», которая должна была проявляться как в энергичных действиях репрессивного, превентивного характера против возможных волнений неблагонадежного «туземного» населения, так и в «разумных действиях», направленных на планомерное улучшение социально-экономических условий жизни всех слоев населения Кавказа.

⁵⁸ Там же. Д. 296. Л. 100б.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 11, 110б.

⁶¹ Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 23.

⁶² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 294. Л. 40б., 5, 8.

⁶³ Там же. Д. 296. Л. 9.

⁶⁴ См.: Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 6, 7; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–20б.

Michael A. Volkhonskiy

Candidate of Historical Sciences, Moscow State Institute for International Studies (Russia, Moscow)

E-mail: *VolhonskyMA@yandex.ru*

**A. M. DONDUKOV-KORSAKOV'S "REVISION"
OF THE CAUCASUS REGION IN 1882**

The article, based on the materials of the Russian State Historical Archive and the periodical press, deals with the results of the Caucasus region "revision". New chief commander in the Caucasus, Prince A. M. Dondukov-Korsakov, who personally wanted to understand the political and socio-economic situation in the province, held this inspection from February to October 1882. The "revision" was not aimed at identifying further ways to modernize the region, but at clarifying the factors that had undermined social and political stability in the Caucasus. A. M. Dondukov-Korsakov presented the results of the inspection in a special note sent to St. Petersburg in December 1882 for consideration by Emperor Alexander III. The note's author outlined two main directions of the new government course in the Caucasus: the first one — the prevention of unrest of that part of local non-Russian population, which demonstrated disloyal attitudes; the second one is a systematic improvement of the socio-economic conditions of life of both Russian and non-Russian population of the region.

Keywords: *Russian Empire, Caucasian region, chief of the civil part in the Caucasus, A. M. Dondukov-Korsakov, Alexander III, Georgian nobility, Armenian intelligentsia, Transcaucasia Muslim population, Terek and Kuban Cossacks*

REFERENCES

Werth P. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii* [Orthodoxy, Non-Orthodoxy, Heterodoxy: Sketches on the History of Religious Diversity in the Russian Empire.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 210 p. (in Russ.).